

СКВОРЦЫ

В субботу мать вымыла пол и застелила его чистыми полосатыми половиками. А еще она взяла мелкого песочку, положила его на мокрую тряпку и долго терла медный самовар, потом переставила кровать вместе с Павлуней на новое место, поближе к окну.

— Лежи, Павлуня, лежи, голубчик,— она подоткнула под Павлунины бока теплое одеяло и вскоре ушла на колхозную работу.

Павлуне хотелось поглядеть на самовар, как он светится, но самовар стоял в шкафу, а встать Павлуня не мог. Всю зиму у Павлуни болели ноги, и он лежал все время в кровати. «Наверно,— думает Павлуня,— наверно, сейчас в шкафу светло от самовара, только ведь как узнаешь? Если откроешь дверку, то свет из избы сразу в шкаф напускается, а ежели не откроешь, то не видно, темно в шкафу или светло. Наверно, светло, потому что уж очень самовар блестит после того, как его мама начистила». Еще Павлуне хочется поглядеть свои валенки. Но об этом тоже нечего было и мечтать, потому что, во-первых, не встать с кровати, а во-вторых, валенки были заперты в чулане, вместе с отцовым новым пиджаком. Павлуня помнит, как отец купил ему валенки и принес домой. Но Павлуня уже тогда болел и в школу не ходил, а валенки тоже всю зиму зря пролежали.

Размышляя обо всем этом, Павлуня чуть не забыл, что кровать переставлена ближе к окну. Он повернул голову и сразу увидел синее небо. Там же висела большая прозрачная сосулька: она намерзла на карнизе и была похожа на штык. Павлуня увидел, как на ее остром кончике копилась капля золотистой воды, копилась, копилась, стала тяжелее себя и полетела вниз. Павлуне стало весело. Снег в огороде был белый, белый, небо вверху такое синее, как обложка на тетрадке, которую только-только выдали и на которой не поставлено еще ни одной буквы, а не то что фамилии.

Дальше за огородом, под горой, была река. Она еще вся заметена снегом, снег и на крышах, на грядках, и на лужке тоже не было еще ни одной проталины. Павлуня увидел, как дрожит от ветра торчащий из снега стебель прошлогоднего репейника, и догадался, что на улице еще холодно, хотя и капают с застрехов.

«Снегу наворотило,— думает Павлуня,— столько снегу не скоро растает. На одной нашей крыше, наверно, пудов двенадцать, а то, может, и больше». На этом месте Павлуня вспомнил, как прошлой весной отец скидывал снег с крыши. Деревянной лопатой он нарезал большущие глыбы. Такая глыба сперва тихо трогалась с места, а потом шумно ползла по крыше и — бух! Когда на крыше осталась одна такая глыба, отец сбросил вниз лопату, а сам сел верхом на последнюю глыбу и поехал с крыши. Павлуня увидел, как отец шлепнулся в снег почти по шейку. Тогда они долго вместе с отцом хохотали, и Павлуня решил твердо, что на будущую зиму сам будет скидывать снег и тоже прокатится на последней глыбе. Но теперь было ясно, что это дело не сбудется. Если Павлуня и выздоровеет к теплу, то либо уже снег растает, либо мать все равно не пустит на улицу. Недаром фельдшер Иван Яковлевич говорил, что надо греть ноги и все время сидеть в тепле. Еще он говорил о том, чтобы свозить Павлуню в областную больницу, да где там! Отцу с матерью и так все некогда, да и денег надо порядочно, чтобы ехать.

За такими мыслями Павлуня задремал и не слышал, как хлопнули ворота с улицы. В избу вошел отец и положил у дверей под кровать какую-то круглую штуковину.

— Папка, чего это ты принес? — спросил Павлуня.

— Лежи, лежи, это фильтр масляный, — сказал отец, снял свою блестящую фуфайку и начал мыться из рукомойника. — Это, брат, знаешь, вроде сита, масло сквозь него проходит и очищается от всяких примесей.

— А почему в масле примесь?

— Ну, брат, всяко бывает.

— Ох, папка, папка...

Павлуня хотел еще что-то сказать, но не сказал, а потрогал жесткие отцовы пальцы. От них пахло трактором и снегом.

— Всяко, брат Павлуня, бывает, — повторил отец, — в любой жидкости примеси есть.

Павлуня вздохнул, а отец пошабарошил у него на голове, как раз в том месте, где пониже макушки сходились и закручивались воронкой Павлунины волосята.

Вскоре пришла мать и стали ужинать.

* * *

Павлуня не считал, сколько прошло дней. Однажды, взглянув на улицу, он увидел, что в одном месте на грядках снег стоял и от этого там зачернела земля. На реке, под горой, тоже зачернело что-то в двух местах. Через день проталина на грядках стала еще больше, темные места на реке слились в одно место, а мать выставила одну зимнюю раму. В избе стало больше места и запахло чем-то свежим. Пришел с работы отец, как всегда, вымылся и после ужина, когда стемнелось, зажег большую десятилинейную лампу.

— Ты, Павлуня, как думаешь, сегодня начнем или еще погодим немножко?

— Давай уж, папка, начнем!

— Ну, ладно, только ты не вставай, а гляди с кровати, не велел тебе вставать Иван Яковлевич.

— Все не велел, не велел...

Отец принес в избу широкую доску, топор, ножовку с рубанком и долото с молотком. Сначала он выстрогал доску добела с обеих сторон, потом карандашом расчертил ее и перепилил по черточкам. Получились четыре продолговатые доски, одна маленькая квадратная и одна длиннее всех. Как раз в это время вскипел самовар. Мать велела прикончить стукоток и стала выставлять из шкафа чашки и блюдца. Отец сложил выстроганные дощечки, собрал инструмент.

— Придется, Павлуня, до завтра отложить! Давай, брат, спать пока.

Павлуня стал спать, он натянул одеяло так, чтобы закрыть ухо, потому что никогда не уснешь, если ухо торчит на воле.

В эту ночь Павлуня спал крепче и счастливее. Он еле дождался того времени, когда отец вновь пришел с работы и вымылся. Не дожидаясь ужина, отец взялся опять за дело. Павлуня видел, как он химическим карандашом нарисовал на одной доске кружок и начал его выдалбливать. Так-так — стучал два раза молоток, и

каждый раз отец выламывал кусочек дерева. Так-так! Наконец дырка в доске была продолблена, отец ножиком зачистил ее края и начал сколачивать скворешник. Последнюю квадратную дощечку он использовал для дна, а самую длинную — для крыши.

— Мы уж, Павлуня, на один скат будем делать.

— На один.

Отец приколотил крышу и под самую дырку приделал небольшую дощечку, чтобы скворцам было где сидеть.

— Больно, папка, мало места на этой дощечке. Свалится скворец с верхотуры.

— Думаешь? Может, и маловато. Ну, мы еще что-нибудь придумаем.

И отец пошел на улицу и вернулся с большой черемуховой веткой в руках.

— Во, Павлуня. Приколотим. Павлуня, конечно, согласился:

— Ты, папка, молодец, здорово ты, папка, выдумал!

...Скворешник вышел хороший. Очень даже хороший. От него пахло смолой и черемуховой веткой, щелей не было: проверяли даже на свет. Отец тут же пошел в огород. Павлуня видел, как он нашел самую длинную жердь и приколотил к ней скворешник с веткой. Как раз напротив Павлуниного окошка, на той стороне грядок, был сруб старой картофельной ямы. Отец поддолбил обухом топора лед под углом сруба, уткнул туда один конец жерди и начал с натугой поднимать жердь и ставить ее на попа. Скворешник с веткой закачался так высоко, что Павлуня тоже только головой покачал. Он с тревогой наблюдал, как отец осторожно поворачивает жердь так, чтобы скворешник стал крыльцом в южную сторону. Потом отец плотно прикрутил жердь проволокой к зауголку ямы и потом еще вбил три длинных гвоздя для надежности. Павлуня глядел на новый скворешник, раскрыв рот.

Скворешник покачивался в синем небе, а небо за ним было бесконечным, чистым и, наверное, теплым, потому что уж очень весело барабанила с крыши золотая от солнца вода. В это время у Павлуни закружилась голова, и он от слабости положил голову на подушку. На улице, наверное, начиналась взаправдашняя весна.

Прошло еще несколько дней, а скворцов не было. Уже вся река ясно обозначилась под снегом, пропитавшимся насквозь водой, уже грядки под окном совсем обнажились, а снег потемнел. На лужке, где была горюшка с репейниками, тоже появилась проталина, на свет глянула серая прошлогодняя отава. Отец теперь совсем редко бывал дома. Уже целую неделю он ремонтировал свой трактор С-80 и мать посылала ему пироги в корзинке. Павлуня скучал по отцу и говорил иногда про себя: «Эх, папка, папка».

Павлуня по-прежнему не вставал с кровати. По ночам он спал, а днем читал букварь или глядел в окно. Других книжек не было, жаль, что эта зима зря прошла. А на ручье сейчас наверняка ребята делают мельницу. Мельница, конечно, не настоящая, но крутилась быстро и работала, пока вода на ручье совсем не исчезала.

Вообще-то Павлуне грустно. Он заснул вечером, и ему приснилось лето. Он будто бы ел сладкие гигли и сам, на своих ногах, бегал на реку ловить силетков.

Силетки — это такие маленькие щучки. Они всегда стоят на мелких местах и, видно, греются на солнышке. Павлуня сорвал длинную травинку-полину, сделал из нее силышко и начал силить силетка. Потом вдруг полина стала обычной ивовою веткой, а вместо силетка на воде заплывала утка и закричала: кря-кря, кря-кря. От этого Павлуня и пробудился. Никакая это была и не утка, а просто было утро, и мама большим ножиком щепала березовую лучину. Спать Павлуня уже не стал, а начал глядеть, как мать растопляет печь.

— Гляди-ко, кто прилетел-то,— сказала она Павлуне, когда рассвело. Павлуня посмотрел в окно и обомлел. На грядках и на вытаявшем лужке прыгали скворцы. Павлуня начал их считать, но все сбивался со счета. Скворцы были черные, с чернильным отливом, востроносые и веселые. Они что-то искали в прошлогодней траве. Вдруг один из них взлетел и, быстро перебирая крыльями, сел на скворешник. Павлуня так и замер. Скворец держал в носу травинку.

— Гляди, гляди, полез туда, мам, полез! — закричал Павлуня тоненьким слабым голосом.— Во! Там уж он!

Весь день Павлуня смотрел на скворцов, и весь день они искали чего-то на лужке, то и дело взлетали и прыгали, а двое поочередно исчезали в черном кружке скворешника.

В обед пришла мать и выставила еще одну раму, как раз напротив Павлуниной постели. Теперь глядеть стало еще лучше, и Павлуня слышал скворчиные голоса. Два скворца, которые поселились в скворешне, без передышки летали на лужок, и Павлуня никак не мог уследить за ними, потому что на лужок летали и другие скворцы. «А где же остальные будут жить? — подумал он.— Ведь скворешник-то один».

Правда, в деревне есть еще скворешник на Гурихиной черемухе, но тот скворешник старый, и в нем холодно, а Павлуня на собственном опыте знал, что такое простуда.

* * *

Теперь Павлуня каждое утро просыпался вместе с матерью и все время смотрел на скворцов. Он ни разу не мог проснуться раньше их: они все время были в работе — такие уж попались скворцы. Скоро они перестали таскать сухие травинки, а летали с чем-то другим, наверное с червяками. Снег почти весь растаял, солнышко пекло хорошо, река под горой так разлилась, что вода подступила к самым баням.

Павлуня с утра глядел в окошко. Теперь летал больше один скворец. Слетает на лужок, сядет на черемуховую ветку или на крышу скворешника и давай что есть мочи трепыхать крыльями. Потом утихомирится, поведет носом и пустит такую свистулю, что залюбуешься. Да что Павлуня, даже пожилая Гуриха, которая каждый день ходит за водой мимо скворешника, и та после такой свистули останавливается.

Сегодня Павлуне еще больше захотелось на улицу. Гуриха с ведрами давно уже прошла туда и обратно, солнышко повернулось из-за хлева и глядело в самые окна. По тому, как рябилась вода в лужице, между грядок, Павлуня понял, что на

улице хоть и солнышко, но ветрено. Скворешник раскачивался на ветру. Скворцы занимались своим обычным делом. Павлуня повернулся на другой бок и, подперев подбородок ладонью, высматривал своего скворца. Скворчиха сидела, наверно, в скворешнике, а хозяин куда-то улетел. «Куда он мог улететь? Может, ко скотному двору?» Только так подумал Павлуня, как вдруг почувствовал, что весь похолодел: от сильного ветра скворешник качнулся, жердь выгнулась и вместе со скворешником повалилась к земле.

— Мам! — закричал Павлуня и заметался по кровати. Павлуня не помнил, как он очутился на полу. Еле переставляя ноги, он начал искать что-нибудь обуть. Как назло, ничего не было. Наконец он отыскал за печкой старые отцовские катанки, надел их, надел материн казачок, а шапка еще с осени висела на гвоздике около часов.

Ковыляя и размазывая рукавом слезы, выбрался за порог и еле открыл ворота в огород. Его охватило холодным весенним ветром, голова опять закружилась. Шлепая по воде прямо в катанках, Павлуня наконец обогнул хлев. Катанки промокли, ноги не слушались. Тут Павлуня увидел скворешник. Лежал он на грядках окошечком вниз, черемуховая ветка, прибитая к нему, сломалась, а Гурихин кот подкрадывался к скворешнику из-за хлева.

— Уходи, дурак! — вне себя закричал коту Павлуня, потом заплакал, схватил с грядки камень и бросил в кота. Камень не долетел до кота, но кот равнодушно понюхал воздух своей усатой мордой и не спеша пошел обратно. Скворцов не было поблизости, и Павлуня, вздрагивая плечами и ничего не видя, подковылял поближе. Он чувствовал, что случилась беда, что все кончено. Дрожа от горя и холода, мальчик просунул тоненькую исхудалую руку в дырку скворешника. Там никого не было: на мокрых пальцах он увидел осколки небесной, в пятнышках, тонкой скорлупы скворчиных яичек...

Больше Павлуня ничего не помнил, небо с облаками опрокинулось куда-то и поплыло, что-то непоправимое и страшное навалилось на Павлуню, и перед глазами его все синела небесная прозрачность крохотных скворчиных яичек...

Очнулся Павлуня на руках у отца. Мальчик увидел загорелую отцовскую шею и заплакал еще сильнее.

— Ну, что же ты, брат, ну, Павлуня, — говорил отец, — она еще наладит яичек, не плачь. А скворешник мы опять поставим, сделаем крепче.

Отец нес Павлуню по грядкам. Павлуня слушал его, но успокоиться не мог никак, и плечи его вздрагивали.

— ...Понимаешь, был бы я дома, я бы закрепил жердь, а тут, видишь, сеять надо, пахать... Ну, не плачь, не плачь, Павлуня, ты, брат, сам знаешь... Вот она опять прилетит и наладит новых яичек... а мы с тобой, как только сев пройдет да потеплее будет, к областному врачу поедим... Ну перестань, брат...

Павлуня прижался мокрым лицом к щетинистой отцовской щеке.

— Папка, — глотая слезы, сказал он, — а она опять наладит яичек?

— Ну, конечно, новых наладит. Вот я сейчас тебя уложу и опять поставлю скворешник. Скворцы, они такие, обязательно новых яичек наладут. А летом обязательно мы к врачу поедим и ботинки тебе новые купим.

Павлуню уложили на печь, у него был жар. Отец вновь поставил скворешник. Но скворешник стоял одиноко, скворцы не прилетали. Они улетели куда-то очень далеко, может, за реку, и, наверное, прилетят только завтра.